

С табильное общество – совершенное правосудие

Валентин СУКАЛО,
Председатель Верховного
Суда Республики Беларусь

Осуществляемая в стране на протяжении уже нескольких лет общая судебная правовая реформа, сопровождаемая очень серьезными изменениями в данной сфере, возможно, проходит не слишком заметно для общественности. Но принятый в конце минувшего года Декрет Президента Республики Беларусь № 6 об объединении Верховного и Высшего хозяйственного судов и два дополняющих его президентских указа, без преувеличения, привлекли к себе самое пристальное внимание. Прокомментировать ход реализации положений этого важнейшего блока нормативных актов мы попросили Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Валентина Олеговича СУКАЛО.

— Судебная система как важная часть нашего общества обязана постоянно адаптироваться к выполнению тех задач, которые ставятся перед ней государством. Именно поэтому она не может быть какой-то застывшей, консервативной, раз и навсегда данной. Как и все составные части государственного механизма, ее объективно необходимо совершенствовать и реформировать, и здесь очень много зависит от криминогенной обстановки в обществе, от уровня правопорядка. Не всегда и не все судебные реформы можно проводить в сложной с точки зрения законности ситуации, допустим, на фоне роста показателей преступности и судимости. Напротив, считается, что в периоды, когда состояние общественного правопорядка и законопослушности граждан не вызывает

серьезных нареканий, когда устойчива экономика, когда реформированы и стабильно функционируют другие ветви власти, наступает время взглянуть: а что следовало бы изменить, усовершенствовать в самой судебной системе.

Здесь есть еще одна сложность или, скорее, особенность, которая заключается в том, что судебная система – это постоянно действующий механизм, который невозможно остановить, условно говоря, на какие-то ремонты, обслуживание. В частности, ежедневно наши общие суды по различным категориям дел выносят около 3,5 тысячи решений, самым непосредственным образом затрагивающих насущные интересы большого количества людей. Поэтому совершенствовать судебную систему необходимо, ни на час не прерывая сам процесс правосудия в стране, чтобы ни граждане, ни предприятия и организации даже не почувствовали этого.

Известно, что в 2010 году было принято Послание главы государства о приоритетных направлениях совершенствования судебной системы. По существу этот документ представляет собой дорожную карту дальнейших шагов по реформированию указанной сферы, рассчитанную на пятилетний период, в рамках которой происходит ее усовершенствование на протяжении уже трех лет. Фактически Послание представляет завершающий этап судебно-правовой реформы. Многие знают и видят, что ему

НАШЕ ДОСЬЕ

СУКАЛО Валентин Олегович.

Родился в 1942 году в г. Минске.

В 1968 году окончил Белорусский государственный университет, работал судьей суда Мядельского района Минской области. С 1972 года – судья, председатель Минского областного суда. С 1984 года – заместитель министра юстиции БССР, с 1987 года – начальник управления общих судов Министерства юстиции СССР.

В 1988–1989 годах – министр юстиции БССР, заведующий государственно-правовым отделом ЦК КПБ.

С 1989 года – первый заместитель Председателя Верховного Суда СССР.

С 1992 года – первый заместитель министра, министр юстиции Республики Беларусь.

С января 1997 года – Председатель Верховного Суда Республики Беларусь.

Заслуженный юрист Республики Беларусь.

предшествовала очень серьезная реформа в части следственно-предварительного расследования, а также экспертного обеспечения правосудия, нотариата, органов адвокатуры. Очевидно, что все перечисленные органы и структуры предваряют сам процесс правосудия, предшествуют ему либо обеспечивают его, как бы давая материал для правосудия.

Чрезвычайно важным для всей правоохранительной системы стало создание Следственного комитета, благодаря которому судебное следствие удалось поднять на независимый и очень высокий уровень. С моей точки зрения, это явилось одной из важнейших составных частей общей судебной правовой реформы. Затем было принято решение о централизации всех экспертных учреждений, прежде разбросанных по многим структурам и органам и зачастую неэффективно управлявшихся, что очень затрудняло судебное-экспертное обеспечение правосудия. В результате был образован Государственный комитет судебной экспертизы, что также сыграло очень позитивную роль в повышении качества и оперативности правосудия. Ведь сегодня примерно 80 % судебных споров и дел связаны с экспертным обеспечением, без которого мы уже не можем обойтись. Естественно, после этого встал вопрос о дальнейшей централизации правоохранительной и, в частности, судебной системы.

Должен сказать, что существование в такой сравнительно небольшой стране, как наша, нескольких самостоятельных судебных подсистем, отдельно функционирующих, со своими построением, администрированием, обеспечением, исполнением, со своими судебными процедурами, отличавшимися от классических, конечно, было нерациональным и неэффективным. В частности, на систему хозяйственных судов приходилась примерно $\frac{1}{10}$ часть всего объема правосудия в стране, такое же процентное отношение существовало по количеству судей. Вся же система военных судов вообще состояла всего из 36 судей, и при этом также отдельно обеспечивалась и отдельно функционировала, хотя в принципе и входила в систему общих судов.

Естественно, такое положение приводило к возникновению проблем с различным судебным толкованием одних и тех же норм законодательства: гражданского,

административного, налогового, таможенного. Различие подходов и оценок породилось и тем, что действовали два плена верховного суда: Верховного и Высшего хозяйственного. Существование двух высших судебных органов, двух президиумов как судов последней инстанции иногда приводило к достаточно неоднозначному толкованию одних и тех же норм, даже подходы порой вызывали непонимание и недоумение. Возникали разногласия и в отношении подсудности и подведомственности судебных споров, в частности, что касается индивидуальных предпринимателей, других субъектов хозяйствования, споров между государством и физическими лицами. Сложностей добавляло также то, что исполнением решений хозяйственных и общих судов занимались различные структуры: в хозяйственных судах – их собственные судебные исполнители, а в общих – судебные исполнители, входящие в систему Министерства юстиции, то есть в структуры исполнительной власти. Аналогичная ситуация существовала и с обеспечением правосудия. Если в хозяйственных судах этим занимались сами суды, то в общих – также Министерство юстиции, что не всегда было эффективным, рациональным и не способствовало организации бесперебойного и эффективного материально-технического обеспечения нашего правосудия.

Вместе с тем нужно сказать, что на конституционном уровне системы хозяйственных и общих судов не подразделялись. В 6-й главе нашей Конституции, которая называется «Суд», определяющей построение судебной системы, говорится, что судостроительство определяется законом, в частности, Кодексом о судостроительстве и статусе судей. В указанном документе зафиксированы два основополагающих принципа: территориальности и специализации судов, никакое иное деление не предусматривается. Это открывало реальную возможность для решения вопроса об объединении обеих систем для более эффективной работы в целом.

Этот путь был исторически объективным, о чем свидетельствует опыт многих зарубежных государств. Даже на постсоветском пространстве уже не оставалось стран, где системы хозяйственных или экономических судов функционировали бы изолированно друг от друга. Вскоре после нас произошло объединение судебных си-

стем в Российской Федерации, а ведь мы не должны сбрасывать со счетов необходимость унификации наших законодательств и судебных систем в рамках Таможенного союза.

Поэтому принятое главой государства решение о необходимости объединения хозяйственных судов, которые впоследствии были переименованы в экономические, и общих судов было не только продуманным и взвешенным, но и вполне ожидаемым. Я всегда старался не комментировать эти вопросы, но, думаю, многие со мной согласятся.

– Иногда приходится слышать, что этот вопрос не был в достаточной степени проработан, что он решался несколько скоропалительно.

– Это не совсем верно, потому что многие могут подтвердить: он давно назревал и обсуждался в структурах судейского корпуса. Более того, в судейском сообществе он не вызывал сколько-нибудь существенных возражений, напротив, получил поддержку у абсолютного большинства, в том числе у руководителей как хозяйственных, так и общих судов.

Конечно, нам было очень важно провести это объединение максимально четко и оперативно. А поскольку блок нормативных актов, посвященных реформированию судебной системы, был принят 29 ноября, а с 1 января уже требовалось вводить его в действие, у нас оставался практически месяц для решения всех организационных и кадровых вопросов. Последние требовали к себе особого внимания, потому что речь шла о человеческих судьбах.

Мы постарались не ломать сам процесс хозяйственного правосудия в областных судах, поэтому все изменения по существу выразились в переименовании их в экономические. В остальном они остались функционировать на имевшихся площадках, на прежней базе и на том же законодательстве, что и ранее. В большей степени реформа коснулась самого Высшего хозяйственного суда, который был преобразован в экономическую коллегию по разрешению экономических споров Верховного суда, вошел в его состав в количестве 20 судей, и с 1 января нынешнего года функционирует в таком качестве.

Серьезные преобразования затронули и аппарат ВХС, который был усилен,

увеличен, поскольку был создан единый аппарат, обеспечивающий правосудие, уже в Верховном суде. В то же время были исключены дублирующие структуры и функции, потому что в одном Верховном суде нет необходимости держать, скажем, два журнала, несколько канцелярий и т.д. Вследствие подобного упрощения достигнута разумная экономия, оптимальная с точки зрения государственного бюджета, причем в функционировании ни коллегии по экономическим спорам в составе Верховного суда, ни экономических судов не произошло никаких сбоев. Это позволяет сегодня достаточно объективно утверждать, что нам удалось провести объединение в установленные сроки без ущерба для качества и оперативности самого процесса правосудия.

– Какие плюсы, полученные в результате этого объединения, стоит отметить в первую очередь?

– Прежде всего, для граждан это более понятная юрисдикция. Теперь не нужно думать о подведомственности возникающих споров и о том, куда следует обращаться в случае необходимости: то ли в общие, то ли в хозяйственные суды. У нас сейчас единая система. Рациональным, безусловно, следует признать и изменение функций Верховного суда в отношении организации и обеспечения самого процесса правосудия уже в объединенном формате. Если раньше они были возложены на Министерство юстиции, то есть органы исполнительной власти, то сегодня мы полностью отвечаем и за материально-техническое, и за кадровое, а также за все другие виды обеспечения правосудия. Сосредоточение в единых руках бюджетных ассигнований на содержание судебной системы опять-таки разумно и целесообразно, поскольку его размывание между двумя системами нельзя было признать эффективным.

С точки зрения самой судебной практики состоявшаяся реорганизация обеспечивает достижение единых подходов, единого толкования тех или иных спорных ситуаций. Но главное, что теперь появляется единый высший судебный орган: Президиум и Пленум Верховного суда, та последняя инстанция, которая будет принимать разъяснения по различным категориям дел, экономических или общих споров: гражданских, уголовных, административных. Это тоже

представляется совершенно оправданным с любой точки зрения: организационной, материально-технической, экономической, правовой.

Словом, состоявшееся объединение было своевременным, разумным, оптимальным и вызванным самой жизнью. Не случайно практически все судебное сообщество его только приветствовало. Такой реакции во многом способствовало проявившееся в ходе реорганизации стремление сохранить все лучшее, что было накоплено в хозяйственных судах, теперь называемых экономическими. А позитивного там было много. Во-первых, это специализация самих судей. Конечно, рассматривая одни и те же категории дел, они обладают более высоким уровнем квалификации, профессионализма, и менять сложившуюся здесь направленность было бы неразумно. Гораздо логичнее задействовать накопленный у них багаж для того, чтобы повысить качество разрешения экономических споров, уже в рамках общей системы. Кроме того, объединение дает возможность маневрировать возросшими силами, в том числе не только аппаратом, но и кадрами судей, перемещая их, разумеется, через решение главы государства, из суда в суд, из одной коллегии в другую. Это позволяет эффективно предотвращать загруженность и напряженность, возникшую в какой-либо структуре, в том или ином виде правосудия. Наконец, председателю Верховного суда предоставлено право определять структуру и штатную численность самих аппаратов судов, что также помогает своевременно ликвидировать какие-то слабые места за счет перевода из одних участков на другие.

Среди преимуществ экономического правосудия, которые непременно будут сохранены и развиты, следует назвать высокие достижения в плане информационного обеспечения, электронного правосудия. С учетом единого судебного бюджета у нас появляется возможность значительно улучшить и это направление деятельности. Поэтому мы не видим здесь каких-то минусов, кроме чисто субъективных, человеческих. Но мы постарались максимально сохранить людей, а всех остальных трудоустроили, причем примерно на том уровне, на котором они работали ранее.

Таким образом, соединив все положительное, что было у нас и у них, нам уда-

лось поднять правосудие на более высокий качественный уровень. Думаю, что от этого выиграли все: население, организации, инвесторы, предприниматели, страна в целом.

– Но, надо полагать, возрос и уровень предъявляемых к правосудию требований?

– В настоящий период мы проводим областные и региональные совещания для уже объединенной системы хозяйственных и областных судов и ставим перед судьями совершенно новые задачи, возникшие перед нами. Однако главная задача остается прежней – это качество и оперативность правосудия. Способствовать их дальнейшему повышению должно то, что отныне и соответствующая статистика, за которую ранее отвечало Министерство юстиции, передана в ведение Верховного суда. Уверен, это поможет уточнить нам реальную картину того, что же на самом деле происходит в правосудии, потому что на практике здесь, к сожалению, не все было так хорошо и благостно, как это порой представало в отчетности.

Иногда за внешне благополучными показателями мы видим достаточно много издержек, вызывающих обоснованную озабоченность людей. Ведь для человека важно, чтобы суд был скорым и справедливым. Его меньше всего интересуют наши внутренние проблемы: когда мы приостанавливали дело, назначали экспертизу, насколько она была затянута. Поэтому применительно к

▲ Президент Беларуси Александр Лукашенко на совещании по вопросу совершенствования деятельности судов и органов юстиции. 2013 год

самому процессу организации правосудия мы ставим задачу его максимального сокращения. Кстати, заодно это будет способствовать и его удешевлению. Сегодня это напрямую отвечает нашим интересам, поскольку каждый суд, получая те или иные средства на осуществление правосудия, как рачительный хозяин должен смотреть, во что же выливается то или иное решение. Ведь любой повторный вызов, любое откладывание дела, любое извещение или пересылка чреваты дополнительными материальными расходами. Надо тщательно взвесить, так ли уж необходимо вызывать всех свидетелей, назначать множество экспертов, нужных и ненужных, потому что все это тоже достаточно затратно и стоит определенных денег. Таким образом, сегодня мы будем ориентироваться на то, чтобы сделать наш суд не только оперативным, но и экономичным.

По-видимому, понадобится пересмотреть и существующие подходы к кадровому обеспечению, в первую очередь судей. Чего греха таить: нас не полностью удовлетворяет сегодняшний качественный состав судейского корпуса. В определенной степени это объясняется тем, что до сих пор им также занимались Министерство юстиции, органы юстиции и структуры исполнительной власти. В итоге вакансии нередко заполнялись вне анализа объективной оценки требований к кандидату. Но все-таки судья, как бы завершая по долгу службы весь процесс правосудия, должен по своему уровню и подготовленности быть значительно выше представителей других юридических профессий и специальностей, скажем, тех же следователей или прокуроров. Не случайно во многих странах должность судьи считается последней точкой карьеры юриста-профессионала, на которую вправе претендовать наиболее высококвалифицированный специалист. К сожалению, в нашей стране ситуация складывается иначе.

Скажем прямо: у нас нет сегодня высоких конкурсов на место судьи, особенно в сельских районах. Каждый потенциальный претендент понимает, что это высочайший уровень ответственности, обусловленный необходимостью принятия окончательных решений. Но степень предъявляемых к судьям требований не подкрепляется соответствующим финансовым обеспечением, включая социальный пакет, который такой

же, как у представителей других юридических профессий. Многие, особенно молодое поколение, мыслящее сегодня достаточно прагматично, думают: а что я буду иметь впоследствии в плане жилья, различных выплат, пенсии? Естественно, это не способствует тому, чтобы мы комплектовались лучшими судьями и лучшими юристами.

Еще одна очень серьезная проблема связана с подготовкой юристов. Она нас не удовлетворяет. В количественном отношении, вроде бы, все в порядке: сегодня 18 юридических факультетов государственных и коммерческих вузов страны выпускают в год около 5 тысяч юристов. Однако, к сожалению, уровень этих кадров оставляет желать лучшего. В значительной мере это объясняется качеством преподавания на указанных факультетах, которое объективно не соответствует современным требованиям. Количество не только профессоров, но и кандидатов среди преподавателей недопустимо мало, особенно в областных центрах. В результате мы попросту не можем использовать то огромное количество юристов, которые выходят сегодня на профессиональный рынок. Руководителям же судов остается ломать голову над вопросом, где брать судей, потому что юридические факультеты нам в этом практически не помогают. Если в системе МВД, КГБ, Таможенного комитета имеются свои институты, которые готовят кадры необходимых специалистов, то мы, как и прокуратура, такой возможности лишены. Комплектование в большей степени осуществляется за счет собственных работников: помощников, консультантов, секретарей судебного заседания, судебных исполнителей, которые получали юридическое образование и в течение какого-то времени работали у нас.

– Может быть, надо уменьшать количество этих факультетов, делать их более высокопрофессиональными, для того чтобы сократить общее число выпускаемых юристов, в том числе платными вузами?

– Это предложение не лишено смысла. Вообще, всегда считалось, что юрист – это не просто человек, получивший высшее образование. Эта стезя подразумевает очень много ограничений и самоограничений, тот, кто ее выбрал, обязан понимать, что его ждет в будущем, задумываться над своей жизненной позицией, подходами и оценка-

ми. В данном контексте профессия юриста предполагает личность с особым складом мышления и образом жизни. Но сейчас, к сожалению, эта профессия по ряду причин в значительной мере девальвируется.

Повторяю, мы будем работать над качественной подготовкой юристов и более тщательным отбором кандидатов. Уже понятно, что в настоящее время недостаточно применяющихся при этом сугубо формальных критериев и требований, таких как наличие юридического образования, гражданства, трехлетнего стажа работы по юридической специальности, сдачи квалификационного экзамена, аттестации, специальной проверки ближайшего окружения. Совершенно очевидно, что к перечисленному необходимо добавить психологическое тестирование на предмет способностей претендента к публичной деятельности, к разрешению конфликтных ситуаций и еще ряд дополнительных критериев, обязательных сегодня для человека, выполняющего публичные функции. Далеко не всегда хороший следователь, успешно проявляющий себя в кабинетных условиях, сможет работать в зале судебного заседания, потому что здесь много своих особенностей и сложностей. И всему этому нужно учить, все это нуждается в проверке и оценке, которыми нам предстоит заняться. Стоит прямо сказать, что спрос и требования к кандидатам в судьи будут ужесточены.

Мы также рассчитываем на изменения некоторых подходов в деятельности юридических факультетов. В частности, имеется много оснований полагать, что для юридических профессий желательно прибегать к целевому отбору и целевым направлениям. Мы должны заранее видеть людей, которые завтра придут на работу в суды, присматриваться к ним в процессе обучения, следить за их подготовкой, чтобы впоследствии быть уверенными: ряды судей пополнили люди действительно высококвалифицированные, безупречные со всех точек зрения, и прежде всего моральной, нравственной.

Кроме того, сегодня уже недостаточно, чтобы наши судьи чисто формально соблюдали закон, который от этого рискует утратить свою консолидирующую функцию и превратиться в орудие устрашения. Необходимо, чтобы они проникались рассматриваемой ситуацией, проявляли какую-то естественную реакцию. Ведь к различным

жизненным коллизиям не всегда в равной степени применимы одни и те же нормы закона, иногда требуются компромиссы. Поэтому сегодня мы ищем судей, которые бы осуществляли правосудие не чисто механически, а с позиций человеческого подхода, чтобы выносимое решение было понятным для людей и объективно воспринималось как справедливое. Только при этом условии достижимо высокое доверие к правосудию, без которого его в подлинном смысле слова, пожалуй, не бывает вовсе.

В данном контексте нельзя не упомянуть о гласности правосудия, над которой мы очень напряженно работаем и за которой обоснованно видим будущее. Как уже говорилось, процесс правосудия по своей природе в значительной степени публичен. Не удивительно, что люди хотят присутствовать в залах заседаний, хотят видеть, как все происходит, следить за процессом принятия решений. Многие имели возможность убедиться в том, какой интерес вызвал процесс по делу «Экомедсервиса», где погибла Юлия Кубарева. Он шел не одну неделю, и на всем его протяжении зал заседаний практически ежедневно был заполнен до отказа, все происходящее регулярно освещалось в средствах массовой информации. Это вполне объяснимо: когда люди имеют возможность воочию наблюдать за процессом, они в большей степени понимают и воспринимают вынесенное решение, а следовательно, доверяют суду.

Значение данного аспекта для самого процесса правосудия трудно переоценить, поэтому недавно Пленум Верховного суда принял специальное постановление «О гласности правосудия». Это очень важное судебное послание, которого у нас до сих пор не было. Нередко нас в этом упрекали: дескать, судьи зачастую рассматривают дела в кабинетах, в закрытом и полузакрытом режиме. Сейчас мы ориентируем суды на то, чтобы гласность была не просто формально озвучена, а реализована на деле. В частности, в зале должны быть предусмотрены места для журналистов, чинить препятствия для выполнения их обязанностей недопустимо. Кроме того, по закону сейчас нельзя запрещать аудиозапись ведения процесса, ее осуществление – право каждого гражданина, присутствующего в суде. Кстати, это снимает многие проблемы поведения судей и участников процесса, как и заме-

чания на протоколы судебного заседания, делает людей более дисциплинированными. Со временем мы намерены пойти еще дальше и разрешить видеозапись судебного заседания. Это будет вообще идеально для процесса правосудия, поскольку с ее введением уже никто не сможет заявлять о каких-либо нарушениях вопреки фактам.

Есть немало и других моментов, связанных с гласностью. Например, впредь на наших сайтах будут более широко размещаться судебные решения по наиболее важным и актуальным делам. Кроме того, недавно мы приняли специальное постановление, ориентирующее судейский корпус на то, чтобы сделать современное правосудие не только более открытым, но и более доступным для людей.

Доступность – это еще один очень важный элемент, составляющий правосудие. Заключается он в том, чтобы человек, придя в суд, мог сразу получить максимум информации об интересующем его споре, о том, как составить тот или иной документ, как реально попасть на прием к судье, какие документы необходимо подавать, что можно упростить. Данные изменения призваны способствовать тому, чтобы человек, пришедший в суд, мог максимально быстро получить восстановление своих нарушенных прав. Именно это обеспечит высокий уровень доверия к нашему правосудию. Если же мы, наоборот, увлечемся формальными процедурами и начнем отталкивать людей по каким-то надуманным основаниям, в том числе в канцеляриях, в приемных, это непременно будет порождать и обоснованные жалобы граждан, и непонимание. Люди, как правило, приходят в суд в стрессовых ситуациях, и наша задача, прежде всего, – принять, разъяснить, успокоить, что-то подсказать, помочь.

– А что нужно менять в самой организации правосудия?

– Следует смелее отказываться от различных не отвечающих духу времени процедур и составления ненужных протоколов, от устаревших бумажных носителей и допотопных средств уведомления. Ведь, наряду с профессионализмом и культурой судей, это определяет наш облик в целом, как, кстати, и инфраструктура, здания и обстановка, техника и транспорт. Это отнюдь не мелочи – сама атмосфера суда с первых шагов обязана внушать уважение. А если учесть, что

теперь всем этим мы также будем заниматься самостоятельно, становится очевидно: задач нам прибавилось очень много. Ведь раньше мы занимались чистым правосудием, отныне к этому следует присовокупить то, что ему соответствует и подготавливает его. Все названные задачи ложатся сегодня на наши структуры, которые уже созданы в Верховном суде и которые будут заниматься самим процессом обеспечения правосудия. Конечно, работа руководителей судов в данной связи усложняется: дополнительные функции, дополнительные нагрузки, более напряженный рабочий день. Но, еще раз говорю, преимущества значительно перевешивают: ведь когда все сосредоточено в одних руках, когда в доме один хозяин, тогда и порядка будет больше. Размытость же функций между несколькими ответственными лицами способна только усложнить процесс принятия целого ряда решений.

Хотя, говоря о качестве правосудия, необходимо отметить, что оно находится у нас на достаточно высоком уровне. В этом нетрудно убедиться, проведя сравнительный анализ со странами постсоветского пространства. Кто бы что ни говорил, существует объективный показатель: частота обжалования судебных решений. Так вот, по уголовным делам у нас обжалуется примерно 12–15 %, по гражданским спорам – 3–4 %, а по административным и того меньше – всего 1 % решений. Это значит, что люди в принципе согласны с вердиктами суда, они ему доверяют. Невысок и процент отмены судебных решений. К примеру, по гражданским спорам он составляет около 1 %, или приблизительно 1700 решений в год. По уголовным делам вышестоящими судами приговор корректируется примерно в 2 % случаев.

Конечно, все прекрасно понимают, что в абсолютном выражении это может быть и немало, особенно с учетом того, что каждое неправильное судебное решение – стрессовая ситуация для людей, которых оно так или иначе затрагивает. Скорее всего, для оценки судебного брака нужны какие-то другие критерии, сугубо статистический подход здесь не всегда уместен. Словом, поиск путей улучшения самого качества правосудия будет продолжен, и осуществляемая судебная реформа, несомненно, стала его важным этапом.

Беседовала Галина МОХНАЧ ▀